

Фэн Цихэн покинул этот печальный город и сел на поезд, направлявшийся домой.

В знойном июле небо заволокло густыми тучами.

Эта картина словно лишилась всяких мечт.

В тени у платформы бурлил людской поток. Оглушительное стрекозание цикад и оглушающие гудки паровозов выплескивали наружу летний зной. И лишь Фэн Цихэн оставался неподвижным: с рюкзаком за плечами, лицом к железнодорожным путям и спиной к толпе. Люди спешили по своим делам, не бросая даже мимолетного взгляда на Фэн Цихэна, оказавшегося под палящим солнцепеком. Они словно принадлежали к двум совершенно разным мирам, разделенным резкой чертой, отброшенной на землю тенью: одни целиком погрузились в жизнь, другие были ею отброшены.

Семик, кролик не ест траву у своей норки, а хороший кобыленок не возвращается к съеденной траве. Братишка знает, что ты не выводишь любовные страдания, но не забывай: когда тебе плохо и тоскливо, братья всегда будут рядом...

Семь, не будь всегда столь импульсивным. Человек должен уметь не только держать спину прямо, но и сгибаться, когда нужно. Нет ничего постыдного в том, чтобы пойти на компромисс ради жизни. В конце концов, стоит сделать шаг назад, стерпеть — и все пройдет...

Цихэн. Я позабочусь о ней за тебя.

...

Да сколько можно!

Фэн Цихэн листал ленту в телефоне, а в носу отчаянно защипало.

Сейчас ему хотелось лишь одного — собственноручно прирезать этого ублюдка, который увел у него девушку.

Потерпев крах и в карьере, и в любви, Фэн Цихэн тупо смотрел на плывущие по небу облака, и слепящее солнце размывало его зрение. В этой туманной пелене, когда облака проплывали мимо, Фэн Цихэн вдруг увидел фантастическое зрелище:

гигантское дерево, пронзившее девять слоев мира, парило прямо в небе.

Мало того, что в свои двадцать два года он ничего не добился, так еще и рассудком повредился?

Фэн Цихэн шмыгнул носом, чувствуя, как жизнь стала совершенно пресной и бессмысленной.

— Держи, это тебе.

Раздался мягкий, нежный голосок. Фэн Цихэн быстро моргнул и перевел взгляд.

Короткие белые кудри и серые глаза заставили зрение Фэн Цихэна сфокусироваться. Сквозь пелену слез проступило миниатюрное и изящное личико лоли. Одетая в бело-серое платье с градиентом, обнажавшее две прелестные ножки, она стояла босиком на платформе и протягивала ему бумажную салфетку своими маленькими ручками.

Она стояла на солнце, чуть позади Фэн Цихэна.

Фэн Цихэн почувствовал себя полным ничтожеством: на него обратила внимание какая-то малышка ростом ему по пояс. Он шмыгнул носом, потер лицо и попытался изобразить улыбку.

— Спасибо...

Протянутая рука Фэн Цихэна застыла в воздухе, а натянутая на лицо улыбка застыла, словно вылепленная из глины.

В тот самый момент, когда он протянул руку, чтобы взять салфетку, девочка внезапно разжала пальцы. Белая салфетка порхая полетела вниз на платформу, поднимающиеся волны жара исказили ее очертания, белый цвет сменился серым, и наконец она полностью растворилась в воздухе.

Зрелище было довольно странным. Перед ним явно стояла миловидная девочка-лоли, но в ее пустых глазах совершенно не было эмоций, которые должны там быть. Все ее тело было выдержано в бело-серой гамме, что создавало странное ощущение: казалось, будто само ее существование состояло из этих оттенков, словно в почти завершенную летнюю картину внезапно добавили резкий серо-пепельный мазок прямо в самый центр, и не замечать ее было просто невозможно.

Лоли первой отвернулась и уставилась на пустые рельсы.

Что с этой девчонкой? Фэн Цихэн опустил левую руку на протянутую правую и неловко втянул ее обратно. Собравшись с мыслями, он снова посмотрел на пустые пути.

Разве у нее нет родителей? Иностранка? Приехала на вокзал совсем одна? Ни багажа, ни средств связи, да еще и босиком! Почему никто не присмотрит за ней...

— Твой поезд прибывает.

Услышав мягкий голосок лоли, Фэн Цихэн инстинктивно посмотрел на нее.

Неподалеку раздался гудок паровоза, и из зеленого локомотива клубами повалил пар. Это был поезд, следовавший в Город Цзиншань — редкий в наши дни состав с зелеными вагонами, какими пользовались еще пару десятков лет назад. Сейчас такие поезда считались медленными и неэффективными: зимой в них холодно, летом жарко, и их уже собирались окончательно списать... Но для Фэн Цихэна, уехавшего из дома еще в детстве, это зрелище казалось невероятно живым — ведь с ним были связаны редкие воспоминания о родных местах.

Увидеть его — все равно что увидеть родной край... и тех людей, что там остались.

Поезд пронесся мимо, зеленая размытая полоса заслонила горизонт, а поднятый им ветер смешался с запахом влажной земли в раскаленном воздухе.

— Да, мой поезд прибыл, — неожиданно для самого себя ответил Фэн Цихэн девочке.

Его мысли витали где-то далеко, пока он смотрел на проносящуюся мимо картинку. Облака тем временем заслонили солнце, словно объединяя всех людей на платформе в один общий мир.

— Тебе пора... — голос лоли внезапно оборвался.

Фэн Цихэн с удивлением хотел взглянуть на странную девочку: он не расслышал то, что она сказала, но в голове у него сам собой всплыл конец фразы:

— ...отправляться в свое Божественное Царство.

Шиии...

В ушах зазвучал резкий скрежет тормозов поезда и испуганные крики толпы. Он обернулся, надеясь разглядеть ту девочку, но схватил лишь пустоту. Перед его глазами бушевал хаос: все смотрели на него, но... казалось, что никто на него не смотрит.

Фэн Цихэн закрыл глаза, и остатки видения растаяли, словно мыльные пузыри.

—

Поезд прорвался сквозь дымку, являя взору городские кварталы.

Оперевшись подбородком о руку, Фэн Цихэн смотрел в окно на медленно проплывающую мимо крупную вывеску «Цзиншань» и понимал, что перешагнул через четырнадцать лет юности и вернулся в этот город у моря.

Четырнадцать лет странствий.

Оказалось, что вне дома он провел даже больше времени, чем прожил в нем... Фэн Цихэн тяжело вздохнул.

Под стук колес поезда он поймал такси до Района Лэган. Свет, пробивавшийся сквозь листву платанов, падал на стекла автомобиля, и ушедшее время вновь ожило в его сердце под ласковыми лучами солнца.

Для начала... пожалуй, стоит заглянуть в ту маленькую кофейню...

—

Город Цзиншань, Район Лэган.

Рюкзак Фэн Цихэна соскользнул с плеча и рухнул на гранитную брусчатку пешеходной улицы.

Платан у входа дарил легкую прохладу, листва покачивалась на ветру, обнажая ту самую вывеску.

«Кофейня „Цзиншань Лань“»... Похоже, адрес верный.

Фэн Цихэн сжимал в руках бумажку с написанным от руки адресом и жадно вглядывался в стоящее перед ним заведение.

Эту кофейню открыл его отец, и с ней было связано столько воспоминаний Фэн Цихэна. Но сейчас, вернувшись сюда, он заметил, что все выглядело совсем не так, как в памяти.

Кофейня располагалась на углу пешеходной улицы. Здание выглядело заброшенным, но по-прежнему чистым. Сделав глубокий вдох, Фэн Цихэн уловил в воздухе легкий аромат витавших здесь кофейных зерен.

На фоне тихо играла мягкая, расслабляющая музыка, и Фэн Цихэну на мгновение показалось, что он снова вернулся в те счастливые времена.

— Кхе-кхе...

Внезапное, неуместное покашливание разрушило иллюзию Фэн Цихэна. Это была хозяйка соседнего магазина в круглых очках, которая с недоумением разглядывала его.

Фэн Цихэн взял себя в руки, слегка покраснел, кивнул ей и под ее пристальным взглядом

достал из кармана хранившиеся у него ключи, чтобы отворить двери кофейни «Цзиншань Лань».

В лицо ему пахнуло густой пылью и застарелым воздухом. Не успел Фэн Цихэн и глазом моргнуть, как его заволокло серой взвесью. Он взмахнул рукой, пытаясь разогнать пыль. Да уж, время оставило здесь вовсе не воспоминания, а толстый слой грязи.

— Вы... кем приходитесь дяде Фэну?

Раздался женский голос — это была та самая соседка-владелица магазина, на вывеске которого, как помнил Фэн Цихэн, значилось «Ателье Чэнь Лэдэ».

— Кхе-кхе... Я его сын, меня зовут Фэн Цихэн, — с трудом выдавил он. Ему казалось, что пыль уже забила ему прямо в легкие.

— Ты Фэн Цихэн?! — в голосе девушки прозвучало изумление, но еще больше в нем было искренней радости.

Фэн Цихэн заново окинул ее взглядом. Рост около метра шестидесяти, пухлые щеки, круглая оправа очков, а на затылке собран конский хвост.

— Да, — Фэн Цихэн посмотрел на влажную салфетку, которую протягивала девушка, и после секундного колебания взял ее.

В его голове по-прежнему стоял образ той загадочной лоли.

— Фэн Цихэн, мы же снова встретились! Я Чэнь Сяомань из соседнего магазина! Мы же вместе играли, когда были детьми.

Девушка излучала радость от встречи со старым другом.

Эта фраза пробудила в памяти Фэн Цихэна те немногие светлые воспоминания, что у него оставались.

— Сяомань? Ты же Чэнь Манмань! Та, что обожала читать мангу, верно?

— Ой! Да как ты вообще мог уехать и даже слова не сказать, а теперь возвращаешься — и тоже молчком!

Чэнь Сяомань отвесила Фэн Цихэну звонкий шлепок по плечу. Сила удара была прежней, место — тоже, и эта знакомая тупая боль показалась ему невероятно родной.

— Я? Захотел и вернулся... В большом городе слишком давит, здесь все-таки лучше: людей не так много, да и море видно, — Фэн Цихэн слегка замялся.

— Вот и я о том же! Как только закончила учебу, сразу вернулась домой помогать родителям... Кхе, я теперь живу здесь одна, и мне очень даже нравится, — Чэнь Сяомань на секунду осеклась, заметив выражение лица Фэн Цихэна, но, убедившись, что он спокоен, продолжила: — Ты с дороги устал, давай вечером ко мне на ужин.

Не дожидаясь отказа, Чэнь Сяомань уже выбежала из кофейни, оставив ему напоследок сияющую улыбку.

Родители, значит...

Фэн Цихэн тяжело вздохнул. Он понимал, что Чэнь Сяомань беспокоится за его чувства, но с тех событий прошло уже семь лет, и он давно выбрался из этого эмоционального тупика. И все же было безумно приятно, что подруга детства проявила такую заботу.

Мертвые мертвы, а живым приходится продолжать бороться за свое место под солнцем.

Уперев руки в бока, Фэн Цихэн окинул взглядом покрытые пылью старомодные столы и стулья, тяжело вздохнул и взял себя в руки.

— Раз уж вернулся, надо браться за дело! По крайней мере, сегодня нужно прибраться так, чтобы было где ночевать.

Первый этаж кофейни делился на несколько функциональных зон, а на втором находились спальни и кабинет. Все было оформлено со вкусом и стилем — видимо, сказывалась страсть его отца ко всему модному.

Спать на полу сегодня не хотелось, а значит, предстояло привести в порядок хотя бы одну спальню.

Приняв решение, Фэн Цихэн направился к барной стойке. В его памяти смутно отложилось, что за ней находилась кладовая, и наверняка там хранился весь инвентарь для уборки.

Толкнув деревянную дверь, он ощутил волну затхлого запаха. Фэн Цихэн затаил дыхание, выискивая глазами свободное от картонных коробок место на полу, куда можно было бы ступить.

— О, а вот та сломанная кофемашина...

Фэн Цихэн заметил в углу кофейный аппарат, целиком затянутый паутиной. Но вместе с

паутиной воспоминания обрушились на него, заполняя всю комнату.

— Радиоуправляемая машинка, стеклянный стакан, поварской колпак... Это же первый подарок, который он мне подарил! Оказывается, он хранился здесь.

Фэн Цихэн повертел в руках ожерелье с кулоном в виде дерева. Вещи пробуждали воспоминания, и подавить поднимавшиеся из глубины души эмоции было невозможно.

— Ладно! — Фэн Цихэн встрепнулся и хлопнул себя по щекам. — Надо найти швабру.

Он принялся шарить по кладовой. Окон здесь не было, и разглядеть что-либо можно было лишь благодаря полоске света, падавшей из приоткрытой двери.

Копаться в темноте — занятие не из легких. Фэн Цихэн случайно наступил на какой-то твердый предмет, сливавшийся с темным полом, потерял равновесие и подался вперед. Инстинктивно он попытался ухватиться рукой за стоявшие рядом стопкой картонные коробки, но ветхий картон давно уже сгнил и от малейшего прикосновения начал рушиться.

— Кхе-кхе...

Глухой грохот поднял тучу пыли, мгновенно заполнившую крошечную кладовую. И без того темное помещение теперь казалось окутанным плотной вуалью. Коробки свалились прямо на Фэн Цихэна. Больно не было — внизу лежало много тяжелых вещей, служивших опорой, но выглядел он порядком потрепанным.

Фэн Цихэн чувствовал себя абсолютным неудачником: придирки начальства, уход девушки, а теперь еще и этот нелепый кувырок — все это вызывало у него жгучее чувство стыда.

Неужели жизнь всегда состоит сплошь из таких трудностей? Или так было только в детстве?

Всегда одно и то же.

Фэн Цихэн лежал на спине среди коробок, закинув руку на глаза. Пыль, забравшаяся в нос, заставляла нос противно зудеть, и он слышал лишь собственное тяжелое дыхание.

Это тяжелое бремя, что давит на плечи каждого взрослого, именуется жизнью.

— Почему ты ушел... батя? — приглушенный стон прозвучал так, будто он кричал изнутри глиняного кувшина.

...

Поплакать, посмеяться — из этого и состоит жизнь.

Фэн Цихэн сбросил с себя давившие на него коробки, поднялся и, привыкнув к опаздывающему свету, огляделся по сторонам.

Объем работы только что увеличился. От его неаккуратных движений рухнула вся стопка коробок, стоявшая у стены, подняв скопившуюся за десяток лет пыль. Обнажившаяся стена зрительно расширила кладовую, но в то же время привлекла внимание Фэн Цихэна, заметившего нечто странное.

Раздвигая ногами картонные завалы, словно волны прибоя, он подошел вплотную к стене и провел по ней пальцами.

На ощупь обнаружился какой-то твердый выступ. Проведя рукой в сторону, он нащупал две ровные вертикальные щели, а опустив руку чуть ниже пояса, наткнулся на ручку.

Этот угол кладовой был самым темным, куда совсем не проникал свет снаружи. Фэн Цихэн озадаченно нахмурился: этот торчавший предмет явно был главным виновником неустойчивости тех коробок, но... что это было?

Включив фонарик на телефоне, Фэн Цихэн посветил на стену.

Перед ним открылась искусно вырезанная тончайшая резьба. Прослеживая узор снизу вверх, Фэн Цихэн разглядел раскидистое дерево, среди ветвей которого прятались питон и драконий хвост. Отойдя на пару шагов назад, он направил луч света так, чтобы осветить всю стену целиком.

— Здесь... разве раньше была дверь?

Фэн Цихэн глубоко вдохнул. В лучах фонарика он наконец отчетливо увидел ее: дверь, практически сливавшаяся со стеной и замаскированная грудой коробок. В ширину она была чуть шире человеческих плеч, а на полотне красовалось огромное дерево с обнаженными корнями, усеянное странными, причудливыми существами.

— Здесь вообще ничего не должно быть...

Фэн Цихэн мысленно восстановил планировку всей кофейни. Судя по чертежам, эта маленькая кладовая должна была граничить с гардеробной через капитальную стену, и никакой двери здесь образоваться не могло при всем желании.

Но раз уж она здесь...

Фэн Цихэн сжал ручку, чувствуя, как бешено колотится его сердце.

Что ж, давай посмотрим, какие еще тайны оставил старик!

Дверь поддалась, но никакого чудовища, мерещившегося в воображении, за ней не оказалось. Лишь винтовая лестница, уходящая куда-то вниз в кромешную тьму.

Фэн Цихэн почувствовал, как у него пересохло в ладонях, и крепче сжал телефон.

— Ничего не слышал о том, чтобы здесь был подвал.

Распахнув дверь окончательно, Фэн Цихэн посмотрел на эту уходящую в бездну винтовую лестницу, затем оглянулся на видимую из кладовой улицу, набрался храбрости и шагнул вперед.

Топ... топ...

Дорога подошла к концу, и Фэн Цихэн остановился перед преградой. Вторая дверь была абсолютно гладкой и пустой.

Не имея пути назад, Фэн Цихэн без труда толкнул эту последнюю дверь.

Свет из образовавшейся щели хлынул потоком, ударив ему прямо в лицо...

<http://bllate.org/book/19201/1885546>